

Б.П. Миловидов
B.P. Milovidov

**ВОЕННОПЛЕННЫЕ ВЕЛИКОЙ АРМИИ
В КОЛОНИЯХ НА ЮГЕ РОССИИ:
НЕУДАЧНЫЙ ОПЫТ**

**PRISONERS OF WAR OF THE GRANDE ARMÉE
IN THE COLONIES IN SOUTHERN RUSSIA:
AN UNSUCCESSFUL EXPERIENCE**

Статья посвящена вопросу привлечения военнопленных наполеоновской армии на добровольной основе к работам в колониях Юга России и к принятию российского подданства. Этот опыт, в отличие от опыта Саратовских колоний, оказался неудачным, поскольку военнопленных на юге России было мало, и существовала угроза эпидемии чумы.

The article is devoted to attracting prisoners of the Napoleonic army on a voluntary basis to working in the colonies in Southern Russia and to the adoption of Russian citizenship. This experience, in contrast to the experience of the Saratov colonies, was unsuccessful, because prisoners of war in the South of Russia were few and there was a threat of plague.

Ключевые слова: Отечественная война 1812 года, военнопленные, военнопленные труда, колонии на юге России, принятие гражданства.

Keywords: Patriotic War of 1812, prisoners of war, prisoners of war labor, colonies in Southern Russia, the adoption of citizenship.

Данная статья является частью исследований автора, касающихся использования военнопленных в 1812 г. в экономике России и логическим продолжением статьи о военнопленных в Саратовских колониях, опубликованной в материалах XXII Международной конференции, проходившей в музее-заповеднике «Бородинское поле» в 2018 г. Поэтому во избежание повторений автор лишь в минималь-

ной степени коснется вопросов законодательства, подробно там разобранных, и сосредоточится на практических результатах деятельности властей¹.

Как следует из циркулярного предписания главнокомандующего в Санкт-Петербурге и управляющего Министерством полиции С.К. Вязмитинова от 29 августа 1812 г. – основополагающего документа, регулировавшего положение пленных в России в эпоху Отечественной войны, – Екатеринославская, Херсонская и Таврическая губернии для размещения пленных первоначально не предназначались². Согласно донесению Екатеринославского гражданского губернатора Вязмитинову от 3 декабря 1812 г., на тот момент пленных в подведомственной ему губернии еще не было³. На 15 февраля 1813 г. в Екатеринославской губернии находилось военнопленных: 4 штаб-офицера, 7 обер-офицеров, 405 нижних чинов и кроме того 416 нижних чинов дезертиров. В соседней Херсонской губернии было 19 пленных обер-офицеров и 536 нижних чинов, а также 555 нижних чинов дезертиров⁴.

Согласно журналу Комитета финансов, утвержденному императором 29 декабря 1812 г., бывшим земледельцам из военнопленных Великой армии следовало предложить на добровольной основе поселиться в России среди колонистов в Саратовской и Екатеринославской губерниях. Сначала они должны были зарабатывать себе на жизнь в «домах поселенцев», а потом могли и сами получить участки земли для заселения, однако без всякой денежной ссуды. 14 января 1813 г. последовало и соответствующее циркулярное предписание С.К. Вязмитинова, адресованное губернаторам. Кроме того, в начале января 1813 г. в Департаменте государственного хозяйства и публичных зданий (далее ДГХиПЗ) была составлена записка, в которой предлагалось сообщить выписку из журнала Комитета Саратовской и Новороссийской конторам опекунов иностранных поселенцев и предписать им доносить регулярно о поступающих в колонии от местных властей пленных, равно как и о хозяевах, которыми они будут приняты. Конторы должны были также озаботиться об «учреждении» за пленными надлежащего присмотра. Министр внутренних дел О.П. Козодавлев

9 января 1813 г. утвердил заключение департамента, решив направить предложенную бумагу не только в конторы, но и херсонскому военному губернатору дюку Э.О. Ришелье⁵. Однако сообщение о возможной присылке в колонии «охотников» из пленных с изложением решения Комитета финансов министр внутренних дел направил на места только 21 января. В частности, он просил Ришелье дать от себя упомянутые выше предписания Новороссийской конторе опекунства иностранных поселенцев⁶. Эта контора, позднее переименованная в Екатеринославскую, управляла колониями в Таврической, Херсонский и Екатеринославской губерниях.

Однако у Ришелье были свои виды на использование пленных, о чем он и сообщил Козодавлеву 22 января 1813 г., очевидно, еще не зная о решении Комитета финансов, во всяком случае, не упоминая о нем. Дело в том, что заведенный на южном берегу Крыма Никитский сад чрезвычайно нуждался в рабочих руках, и его директор, коллежский советник Х.Х. Стевен, не набрав достаточного количества вольных рабочих, попросил отрядить для этих целей рекрут или войска внутренней стражи. Оба варианта с точки зрения Ришелье исполнить было затруднительно, и он со своей стороны предлагал использовать для работ в саду расположенных в Елисаветграде пленных. Ослаблять надзор за французами дюк считал нежелательным, а из саксонцев и поляков полагал возможным отрядить в сад «человек до 30». По мысли херсонского военного губернатора, эти пленные вместо содержания должны были получать заработную плату и, «споспешествуя... благородной цели правительства» по устройству сада, обеспечивали [бы] заодно и экономию средств. Далее Ришелье обращался к общей проблеме нехватки в Новороссийском крае рабочих рук. Причина ее крылась в распространившейся эпидемии «заразы» – чумы, что грозило снижением летом численности сезонных рабочих. Кроме того, необычно холодная зима нанесла существенный урон скотоводству, привела к нехватке сена, для формирования запасов которого опять же необходимы были рабочие руки. В связи с этим Ришелье предлагал направить в Одессу и Крым по полторы тысячи пленных и раздавать их в качестве рабочих всем нуждаю-

щимся хозяевам «на их попечении и продовольствии, назначив при том умеренную плату». Исключение должны были составлять лишь пленные французы, которые, как опасался Ришелье, будут пытаться скрыться морем на отбывающих судах, за чем уследить представлялось весьма трудным. В заключение херсонский военный губернатор просил санкционировать отправку из Елисаветграда в Никитский сад 30 человек, обещая вернуться к идее массового использования труда пленных позднее, когда минует опасность эпидемии⁷.

В ответе, датированном 25 февраля 1813 г., Козодавлев сослался на решение Комитета финансов, которое Ришелье к этому времени должен был уже, по мнению министра, получить и которое позволяло не только использовать пленных на казенных работах, но и «отдавать их частным содержателям, кои принять их согласятся из обыкновенной платы». Что же касается работников для Никитского сада, то министр полагал, что кроме пленных там можно использовать и «неспособных к сельскому домоводству» колонистов, которых по донесениям самого военного губернатора было «довольно»⁸. Одновременно, 25 февраля, министр внутренних дел сообщил о представлении дюка и Вязмитинову, в функции которого входили распределение, а равно организация жизни пленных внутри империи⁹. 10 марта Вязмитинов отвечал, что употребление пленных на работу разрешается положением Комитета министров (имелся в виду Комитет финансов), за исключением отдельных категорий, которые немедленно должны препровождаться в Петербург. Предложение Ришелье о завозе в Одессу и Крым пленных Вязмитинов считал хотя «благоразумным и уважительным», однако в виду непрекращающейся эпидемии несвоевременным. Копию с этого отношения Вязмитинова 13 марта 1813 г. Козодавлев направил Ришелье¹⁰.

В дальнейшем законодательство о принятии пленных в колонисты разрабатывалось в основном с учетом опыта Саратовских колоний. О комплексе правил, предписанных Саратовской конторе в апреле 1814 г., Козодавлев сообщил Ришелье и Новороссийской конторе уже после того, как дюк разрешил конторе принять в свое ведомство двух бывших солдат Наполеона, а именно 3 июля 1814 г.

В частности, согласно этим правилам, не воспрещалось никому из колонистов принимать в свои хозяйства пленных «по взаимному соглашению в работу, в соучастие в... ремесле или промысле», а также присоединять их к своим семьям посредством брака и приписывать этих пленных к колониям, «где они остаться пожелают, для чего дать им законный срок». Тем, кто сможет «хотя со временем» завести свое хозяйство, на основании мнения конторы следовало предоставлять в избранной бывшими пленниками колонии усадебное место, право на участие в общем выгоне для скота и на получение «полной, определенной для хозяйства колонистов пропорции земли, там где есть излишняя земля за наделением имеющих уже в колонии поселян». И наконец, новые колонисты освобождались на 10 лет от всех податей и повинностей. Эти меры Козодавлев требовал соблюдать и в отношении пленных, желавших обосноваться в колониях Новороссийского края¹¹.

Интерпретация Новороссийской конторой законодательства не всегда соответствовала практике, имевшей место в Саратовских колониях, и была весьма своеобразной. Так, 29 января 1814 г. исправляющий должность елисаветградского городничего препроводил в контору показания, данные поступившими в российское подданство бывшими пленными французской службы. Иоганн Майнод, Антон Фруарф (он же Фригауф, Фрагауф, Фраураф), Станислав Дембовский, Павел Шефер, Иозеф Камер и Иозеф Писоняк были австрийцами, а Андриас Байтуш (он же Бойтуш) и Иоганн Полак (он же Полак) – «венгерской нации». Все они объявили желание поступить в колонисты находившейся в Елисаветградском уезде Херсонской губернии Данцигской колонии¹².

Однако контора трактовала правила Комитета министров от 9 и 19 сентября 1813 г. о приеме пленных в подданство слишком буквально. Поскольку шестеро австрийцев знали ремесла, то она отказалась их записывать в земледельцы и предложила им избрать себе род жизни по городам. О своем решении она сообщила 5 марта 1814 г. Данцигскому сельскому приказу, а также отнеслась к херсонскому вице-губернатору И. Х. Калагеоргию¹³. Напомним, что в Саратов-

ские колонии ремесленников принимали весьма охотно. Нужны они оказались и в Данцигской колонии. 2 апреля Данцигский сельский приказ сообщил, что Дембовский (сапожник), проживая в хозяйстве вдовы Шмитовой, исправил его «значительным образом», а Фруарф (ткач), находясь в работниках у Михаеля Гида, «через зиму» был замечен в знании земледелия. И потому они, «не быв в своих ремеслах столько сведущи, как в обрабатывании хозяйств», могли быть хорошими земледельцами. В итоге приказ получил от полиции позволение оставить этих бывших пленников в колонии до окончательного решения их участи, а контора обратилась к Ришелье, который 16 мая 1814 г. позволил причислить Фруарфа и Дембовского к данцигским колонистам. Обо всем этом 2 июня Новороссийская контора донесла в ДГХиПЗ¹⁴.

По-другому обстояло дело с Байтушем и Поляком. Поскольку они объявили себя земледельцами, то претензий у конторы к ним не было, и 5 марта она запросила Данцигский сельский приказ, согласен ли данцигское общество принять их и, если желает, то к кому именно из колонистов они будут приняты. От общества и приказа контора также требовала обязательства иметь за поведением бывших солдат Наполеона надзор. Приказ 2 апреля донес, что Байтуш и Поляк с позволения градской полиции «через зиму» находились в Данцигской колонии на заработках, вели себя «порядочно» и состоят в работниках у тамошних хозяев. Общество колонии было готово взять на себя «тщательное наблюдение» за бывшими пленными. И уже 5 июля приказ донес конторе, что Байтуш и Поляк причислены к данцигским колонистам, причем первый поселился к Христьяну Гиду, а второй к Михаелю Матисену. Однако условием принятия бывших пленных стал полный отказ от притязаний на принадлежащие колонистам участки земли, т. е. «чтобы они снискивали себе пропитание посредством заработков у тамошних хозяев, не пользуясь землею». Отметим, что последнее условие шло вразрез с позицией Комитета министров, предполагавшего хотя бы в перспективе наделение бывших пленников-колонистов землей. Обо всем этом контора донесла в ДГХиПЗ 21 сентября 1814 г.¹⁵

Обратим внимание и на то, что пленные оказались в колониях за пределами Екатеринославской губернии, что противоречило букве решения Комитета финансов. Новороссийская контора расширительно трактовала эту норму, распространив ее на всю подведомственную ей территорию.

В отношении от 28 октября 1822 г. к директору Особенной канцелярии МВД М.Я. фон Фоку директор ДГХиПЗ С.С. Джунковский подтвердил, что в Екатеринославских колониях находились всего пять человек из бывших пленн¹⁶.

В списке, приложенном к донесению председателя Попечительского комитета о колонистах южного края России генерала И.Н. Инзова, направленному управляющему Министерством внутренних дел В.П. Кочубею 6 июля 1820 г., тоже значатся пять колонистов, поступивших в это сословие из пленн¹⁷ и находящихся в ведении Екатеринославской конторы иностранных поселенцев. Это бывшие австрийские подданные из рядовых Станислав Дембовский, Андрей Бойтуш (Бейтуш), Иоганн Полак, Иоганн Мейнерт (возможно, это был упоминавшийся выше Майнод) и Андрей Майер¹⁷. Отсутствие в списке Фруарфа (Фригауфа) вполне могло объясняться тем, что он на законном основании даже после присяги мог вернуться на родину.

Первым назван уроженец Новой Голиции поляк и католик Станислав Дембовский, служивший в австрийском мушкетерском полку, «что под командой принца де Линя», и «во вновь учрежденном в Польше 28-м уланском». В прошении к австрийским властям он подписался как Себастьян Вербицкий. Контора объясняла это тем, что он был взят в плен поляками при Сандомире (т. е. в 1809. – *Прим. автора статьи*), отведен в Варшаву, «где принужден был поступить в полк, из коего, выпросившись, не возвращался более в оный», сменил имя, а с началом войны против России вновь был принужден вступить в службу в 28-й уланский полк и под своим новым именем попал в российский плен. Дембовским он числился и по материалам ревизии 1816 г.¹⁸

Далее в списке следовал уроженец г. Каземарка венгр и лютеранин Андрей Бойтуш, служивший в австрийском «гранодерском барона Давидовича полку». Выходец из города Дуранта, тоже венгр

и лютеранин, Иоганн Полак служил в австрийском мушкетерском полку под начальством князя Эстергази. Родившейся неподалеку от австрийского города Бамберга Иоганн Мейнерт, также сторонник учения Лютера, служил прежде «легкой кавалерии в драгунском» полку¹⁹.

Перечисленные четверо пленных жили в Данцигской колонии и только последний, Андрей Майер (Мейер), жил в молочанской колонии Гоффенталь, то есть в Таврической губернии²⁰. Это был венгр, католик, уроженец города Песта (Пешта) служивший в «венгерском пехотном» под командою барона Давидовича полку и в 4-м польском уланском полку²¹. В 18 лет Андрей Филиппов сын Мейер, по его собственным словам, поступил в австрийскую службу и через 7 лет в 1812 г. был взят в плен, доставлен в г. Владимир Волынской губернии к шефу Таганрогского драгунского полка генерал-лейтенанту П.К. Мусину-Пушкину. Там Мейер объявил желание остаться в вечном подданстве России и получил паспорт на следование в Екатеринославскую губернию для избрания рода жизни. Но по прибытии в Екатеринослав в поданном в Новороссийскую контору прошении заявил, что хочет поселиться в Мелитопольском уезде Таврической губернии в одной из молочанских колоний. Вместе с тем пленник просил позволить ему на время остаться в Екатеринославе для заработков. В конторе Мейер заявил, что земледелие он знает и для обзаведения от казны ничего требовать не будет. Контора предписала ему отправиться в молочанские колонии, и найти там подходящее семейство, которое с общего согласия решится его принять. Смотритель молочанских колоний Зибер донес, что Мейер избрал семейство колониста Лоренца Шле в колонии Гоффенталь. Контора выдала Мейеру надлежащее свидетельство, с тем чтобы, явившись к смотрителю колоний, он принес присягу, для чего Зиберу был послан присяжный лист и предписано, чтобы он в дальнейшем о поведении и успехах нового подданного доносил в контору. Все это контора сообщила в ДГХиПЗ 29 мая 1814 г.²² 26 августа Мейер «учинил присягу», о чем 8 сентября Новороссийская контора сообщила в ДГХиПЗ, приложив и присяжный лист²³.

Еще в 1819 г. в Министерство полиции поступили требования от прусских и австрийских властей, «чтоб военнопленные, принятые в колонисты, испросили на водворение их в России от своего правительства позволения»²⁴. В противном случае их отлучка будет считаться «самовольным удалением из отечества, что по законам тамошним подвергает их потере имущества и лишает права наследства». Вязмитинов представил Екатеринославскому гражданскому губернатору и список разыскиваемых пленным, якобы находившихся в губернии, причем некоторые из них были показаны как колонисты. От этих лиц следовало получить просьбы остаться в России, а желающие могли на основании указа 17 августа 1814 г. вернуться на родину. Однако по данным Екатеринославской конторы иностранных поселенцев, в колонисты поступили совсем другие пленные, нежели указанные в списке. Тем не менее, Инзов предписал конторе отобрать от них отзывы, из которых следовало бы, что все они желали по-прежнему жить в России. Таким образом и был составлен список, который председатель Попечительного комитета 6 июля 1820 г. вместе с истребованными от бывших пленников прошениями отправил Кочубею с просьбой исходатайствовать для этих воинов Наполеона позволение остаться в России²⁵.

Рассмотрев все представленные документы, ДГХиПЗ тоже предложил оставить всех пятерых в России и снести с Министерством иностранных дел по вопросу о получении соответствующего разрешения у «правительства прежнего их отечества». Кочубей, утвердивший это мнение департамента 30 октября 1820 г.,²⁶ обратился 22 ноября с ходатайством к управляющему Министерством иностранных дел П.Г. Дивову о разрешении данной проблемы по дипломатическим каналам²⁷. 10 ноября российский посланник в Вене граф Ю.А. Головкин подал австрийскому правительству соответствующую ноту, на которую 1 марта 1821 г. последовал ответ. Из него следовало, что австрийские власти намеревались «учинить справки» об обстоятельствах, при которых бывшие пленные покинули свои полки, и просили дополнительных сведений о месте рождения Мейнерта и о части, в которой он служил. А 16 августа датирована сле-

дующая нота, подписанная К. фон Меттернихом, где говорилось, что военный департамент «положил невозможным» сделать об упомянутых пятерых российских колонистах императору благоприятное представление. Произведенное расследование открыло, что Полак, не возвратясь в свой полк, нарушил данную им присягу, а Дембовский (служивший в «Ныентском, бывшем Линском полку») «вовсе не взят в плен, как он сам говорит, а нашелся виновным в двойном бегстве, ибо будучи обратно взят в августе 1813 г., скрылся во второй раз из своего полка». Имен Бойтуша и Мейера в списках полка, где они якобы служили, обнаружить вовсе не удалось, а подробные сведения о Мейнерте не получены²⁸.

Действительно, запрос о Мейнерте и прочих был направлен Попечительному комитету из МВД только после получения австрийской ноты – 16 сентября 1821 г.²⁹ Между тем, ознакомившись с обстоятельствами дела, Кочубей 10 октября 1821 г. уведомил Инзова об ответе Меттерниха, прибавив, что удаление бывших австрийских подданных из колоний «подвергнуло бы их крайнему разорению» и что, если они «ведут себя добропорядочно и трудолюбивы, то можно бы позволить им остаться в тех колониях, в коих они основались, но с тем, чтобы они оставили уже все свои претензии на могущее быть наследство в прежнем их отечестве»³⁰. Вновь закрутились колеса неповоротливой бюрократической машины, и 7 июня 1822 г. Попечительный комитет представил в МВД донесение об образе жизни пяти бывших солдат наполеоновской армии. Мейер, приписанный к колонии Гоффенталь, хозяйством там так и не обзавелся. Он женился на поселянке грекороссийского исповедания, от которой имел двух детей, приобрел портняжным ремеслом пару быков, пару лошадей и дом в Екатеринославе и намеревался в ближайшем будущем, продав его, отправиться «на место поселения», чтобы там «принять, естли случится, готовое хозяйство или устроить таковое от собственности». Остальные пленные по-прежнему находились в Данцигской колонии под Елисаветградом. Вербицкий (Дембовский) жил «в собственном своем доме с женою и сыном», занимался сапожным ремеслом, жизнь вел «порядочную, прилежен». У Бойтоша,

обзаведшегося женой и двумя детьми, было свое хозяйство, которым он управлял «с прилежанием». Полак тоже имел жену, сына и дочь, в 1818 г. он принял готовое хозяйство, «несколько исправил его», отбывал все «лежащие на оном» повинности и также был прилежен. Из донесения о Полаке видно, что норма об освобождении бывших пленников на 10 лет от податей и повинностей не исполнялась. И только Мейнерт, «женившись на одной колонистской вдове, с самой женьитьбы не живет с нею вместе и, не имея ни детей, ни хозяйства и никакой собственности, кроме необходимого одояния, оба снискивают себе пропитание милостинным подаянием и колонистами в прилежании не одобряются». Не смотря на столь разные жизненные стратегии, все они желали остаться в России и отказывались от всяких претензий на возможное наследство. Однако Екатеринославская контора иностранных поселенцев, считая, что Мейнерт, судя по его образу жизни, не может «быть хозяином» и оставление его в колонии послужит только «в отягощение оной», предлагала выселить его вместе с женой за границу. Попечительный комитет поддержал такую санкцию³¹. Согласился с этим и Кочубей, предложив 28 июля 1822 г. комитету оставить четверых бывших австрийских подданных в колониях, а Мейнерта с женой «как неблагонадежных удалить от общества колонистов утверждением в действие предположенной Екатеринославской конторой иностранных поселенцев меры»³². Однако было ли это исполнено, нам неизвестно.

В заключение приведем еще одну историю, связанную с идеями использования труда пленников в южных губерниях. 25 ноября 1820 г. М.Я. фон Фок препроводил в ДГХиПЗ записку графа Сент-Обена, адресованную на имя управляющего Министерством внутренних дел князя В.П. Кочубея³³. В сопроводительном письме Сент-Обена от 20 октября говорится, что мнение, им изложенное, «есть последствие бесед с некоторыми лицами, которых любовь к отечеству равняется их просвещению», а также что записка подается с предварительного разрешения самого Кочубея³⁴. Автор записки (по всей видимости, это художник Луи де Сент-Обен, автор серии портретов военачальников эпохи 1812 года) сообщает, что издавна питает горячее желание, что-

бы «сделали опыт населить Россию людьми более промышленными, нежели те, которые доселе в оной селились», и, по его мнению, для этого наступил благоприятный момент. «Злополучия Европы, беспокойство и неудовольствия народов заставляют их переселяться, они надеются найти сим способом благоденствие, которое им, быть может, одна только Россия доставить может». Российскому правительству следует воспользоваться обстановкой и заняться привлечением эмигрантов, «не допуская американцев привлекать их всеми средствами в свое отечество». Особое внимание нужно обратить на южные губернии России, плодородие которых «не производит еще тех последствий, которых бы ожидать должно для государства и целой Европы». Сент-Обен предлагал целую программу мер. К их числу относилась закупка за рубежом наиболее простых и хорошо себя зарекомендовавших сельскохозяйственных машин, чтобы впоследствии по этим образцам на месте создать собственное их производство, а также приглашение в Россию иностранных «художников и ремесленников», причем комиссионер, отправленный подыскивать их, должен одновременно снимать планы с кирпичных, известковых и т. п. заводов, чтобы потом тиражировать их и внедрять на родине. Резиденцией этого комиссионера Сент-Обен рекомендовал избрать Нидерланды, поскольку оттуда удобно осуществлять коммуникацию с разными странами, а фабрики Фландрии больше всего пострадали от ввоза английских товаров, и, следовательно, среди работавших на них найдется немало желающих уехать в Россию. Сент-Обен считал возможным пригласить и французских ремесленников. При этом одним из источников подходящих квалифицированных кадров граф считал, как ни странно, французских солдат, «находящихся ныне на половинном жаловании», особенно артиллеристов. Сент-Обен полагал, что французское правительство с радостью отпустит их, поскольку они пропитаны революционным духом. В России же, разбросанные на большом расстоянии, они будут безопасны и быстро ассимилируются. Более того, граф отмечал, что «многие из оных благодаря дерзости их начальников знают сии страны (т. е. Россию. – Прим. автора) и некоторые даже хотели остаться в оных»³⁵.

Это явный намек на солдат наполеоновской армии, побывавших в России в 1812 г. И идея привлечь их в качестве силы, модернизирующей экономику южных российских губерний, возникла у графа Сент-Обена тоже во время наполеоновского нашествия. Он сам пишет, что имел тогда намерение предложить правительству уговорить часть военнопленных остаться в России. «Люди сии, будучи почти все винодельцы, знающие перегонку разных водок из вина, разведение масличного дерева, шелковицы, приготовление масла, способ сушить фрукты и т. д., были бы... превосходное приобретение; отчаянное их положение заставило бы их принять щедрые предложения». Сент-Обен, уверенный, что они принесут пользу России и ее монарху, от которого и сам граф «получил убежище», был готов даже лично отправиться в места большого скопления пленных и сделать им соответствующее предложение, однако «не имел средств обратить внимание на сей предмет». Большая же часть из тех, кому граф высказывал свои идеи, говорили, что «опасаться надобно правил сих людей», однако Сент-Обен полагал такие страхи безосновательными, поскольку даже «самые беспокойные соучастники революции заговорили о порядке и содействовали сохранению оногo, как скоро приобрели собственность». Это произошло бы и с пленными, «коих промышленность оплодотворила бы прекрасные южные губернии России». Сент-Обен сообщал также, что граф Г.М. Армфельд «требовал для Финляндии некоторого числа пленных, которых высылали из Петербурга, и получил оное». Эту идею подсказал Армфельду сам Сент-Обен, путешествовавший в Финляндии. Он видел также у пастора Нефкирха (Newkirch) двух солдат, «одного из Бордо, другого из Цет, которые никогда не обрабатывая землю, разве только под виноградник, соделались лучшими в целой деревне земледельцами» и даже женились³⁶.

К сожалению, как свидетельствуют документы, планы привлечь в колонии на юге России бывших наполеоновских солдат потерпели неудачу. Важной причиной, как представляется, было то, что Екатеринославская, Херсонская и Таврическая губернии, в отличие от Саратовской, не стали в первые же месяцы войны регионом, предна-

значенным для пребывания пленных. Направлению их туда мешала и сложная эпидемиологическая обстановка, да и общее количество захваченных в ходе действий против Австрии пленных, которых представлялось наиболее удобным транспортировать именно в южные губернии, было не слишком велико. Колонисты же рекрутировались из пленных, уже прибывших в Саратовскую или в южные губернии и адаптировавшихся к местным условиям. Случаи, когда пленные, жившие в других губерниях, стремились отправиться в колонии, находившиеся за сотни километров, в места совершенно незнакомые или такие, о которых они имели лишь туманные сведения, крайне редки.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Миловидов Б.П.* Военнопленные наполеоновской армии в саратовских колониях в 1813–1820 гг.: новые материалы // Отечественная война 1812 года: Источники. Памятники. Проблемы: Материалы XXII Международной конференции, 3–5 сентября 2018 г. Бородино, 2019. С. 14–71.

² *Бессонов В.А.* Законодательная база и политика государства по отношению к военнопленным в России в 1812–1814 гг. // Эпоха 1812 года: Исследования. Источники. Историография. Вып. IV. / Труды ГИМ. Вып. 147. М., 2005. С. 52.

³ РГИА Ф. 1282. Оп. 1. Д. 767. Л. 20.

⁴ *Бессонов В.А.* Потери Великой армии в Отечественной войне 1812 года (к вопросу об определении численности военнопленных) // Эпоха 1812 года: Исследования. Источники. Историография. [Вып. I] / Труды ГИМ. Вып. 132. М., 2002. С. 182.

⁵ РГИА. Ф. 383. Оп. 29. Д. 898. Л. 4.

⁶ Там же. Л. 5.

⁷ Там же. Л. 7–8.

⁸ Там же. Л. 11.

⁹ Там же. Л. 13.

¹⁰ Там же. Л. 14–15.

¹¹ Там же. Л. 130–131.

¹² Там же. Л. 128, 140.

¹³ Там же. Л. 127 с об.

¹⁴ Там же. Л. 128–129.

¹⁵ Там же. Л. 140–141.

-
- ¹⁶ Там же. Л. 216.
¹⁷ Там же. Д. 482. Л. 4.
¹⁸ Там же. Л. 2об., 3–4.
¹⁹ Там же. Л. 4.
²⁰ Там же. Л. 6.
²¹ Там же. Л. 4.
²² Там же. Д. 898. Л. 124–126.
²³ Там же Л. 137–139.
²⁴ Там же Д. 482. Л. 24.
²⁵ Там же. Л. 1–3.
²⁶ Там же. Л. 7–11.
²⁷ Там же. Л. 12.
²⁸ Там же. Л. 14–16, 18–23.
²⁹ Там же. Л. 17.
³⁰ Там же. Л. 24.
³¹ Там же. Л. 29–31.
³² Там же. Л. 32.
³³ Там же. Д. 489. Л. 1.
³⁴ Там же. Л. 3.
³⁵ Там же. Л. 10–17.
³⁶ Там же. Л. 9–10.